

истории от священной, т. е. стремление даже композиционно противопоставить историческое зло добру, праведность — нечестию. Ведь в итоговой заметке о царях израильских Георгий говорит, что все они делали злое перед господом, и не упоминает ни о каких пророках, которые перечислены только в заключительном подсчете царей иудейских, так что противопоставление тут налицо. Но композиционно оно может быть для Амартола выражено лишь в том случае, если оба полюса представлены царями или другими правителями. Поэтому история иудеев после плена, хотя она и есть прямое продолжение предшествующей, уже не может излагаться отдельно, поскольку нет царей, годы правления которых образовали бы тот композиционный и хронологический костяк, без коего Амартол обойтись не в состоянии.

Таким образом, началом вавилонского пленения открывается новый раздел, охватывающий промежуток от Навуходоносора до Юлия Цезаря. Третий раздел хроники отличается известная двойственность. Иудейскую историю Амартол продолжает излагать, сохраняя связность и цельность, и притом все ярче выявляя ее завершенность, законченность. После рассказа о восстановлении храма сначала указывается число лет от первого возведения храма до второго, а затем подводится предварительный итог всей иудейской истории до Ирода и Христа¹⁹. Подобные обзоры иудейской истории с упором на ее окончательную завершенность делаются Георгием несколько раз (ср. с. 300—306, в связи с пришествием Христа, причем с прямой ссылкой на предыдущий обзор на с. 282; с. 405—406 и 430—431, в связи с разрушением второго храма Титом). Продемонстрировать, что иудейская история кончилась как священная история на Ироде, Амартолу необходимо в полемических целях, чтобы доказать, что Христос действительно исполнил все ее пророчества и обетования, и поэтому история избранного народа с этого момента теряет смысл и уступает место истории церкви.

Однако, помимо иудейской истории, в третьем разделе идет речь и о языческой. Она здесь явно приобретает большую связность, чем в первом разделе. Это выражается в появлении ссылок, причем на сообщения второго раздела, например: «После же вышеуказанных (προεξηγήμενος) Ассирийских царей воцарился, как сказано, Навуходоносор на 24 года»²⁰ (об этих царях и Навуходоносоре говорится на с. 18). На рассказ о Кире (с. 18—20) имеются даже две ссылки (на с. 273 и 277). Но вместе с тем последовательность перечисления царствований Амартол по-прежнему не соблюдает, например: «За Артаксерксом же воцарился другой Артаксеркс и последующие до Дария Арсама»²¹. На с. 285 приводится перечисление персидских царей с годами их правления, но оно не совсем совпадает с предыдущим текстом в отношении имен царей (в тексте ничего не говорится о Ксерксе, сыне Дария, сына Гистаспа) и по цифрам (Артабан на с. 284 царствовал 7 месяцев, на с. 285 — 6).

После рассказа о персидских царях Амартол снова возвращается к Александру. Но на этот раз поход Александра, хотя и замыкает обе линии повествования — языческую и священную историю — в одну, не образует, однако, реального композиционного членения. Противопоставление «народ божий — нечестивые правители» остается. И Александр теперь из обособленного добродетельного и благочестивого царя превра-

¹⁹ Ibid. P. 282.

²¹ Ibid. P. 284.

²⁰ Ibid. P. 264.